Червь и бабочка

Александр Владимирович Тюрин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Квазиживое техносущество, являющееся продуктом молекулярного сборщика, осознает себя человеком. Созданный для уничтожения космических станций и городов, натасканный в схватках на выживание, он начинает осознавать хищность и порочность Западного Альянса, орудием которого он является. И тут у него появляется неожиданный союзник. Добро приходит ex machina.

- Александр Тюрин. Червь и бабочка
  - 1.
  - 2.
  - 3.

Александр Тюрин. Червь и бабочка

1.

На ходовом мостике тихо играет музыка, он подпевает, а на середине куплета «обнимая небо крепкими руками» палуба лопается. Из трещин, не спеша, выбирается червеобразный огонь и всё вокруг разлетается, слово обрывки лопнувшего воздушного шарика. Он видит, как его идеально выглаженные брюки и начищенные до глянца ботинки покрываются серебристым инеем на фоне слепящей черноты космоса. Это немногое, что он помнит. Боль не запомнил, будто она не успела дотянуться до него своими крюками.

После провала, когда восстановились некоторые чувства, было, пожалуй, приятно. Откуда-то льётся густой свет, который растягивается в нити и стягивается в узлы. И превращается в тонкие вибрации вандерваальсовых, жесткие пульсации ковалентных и клещи ионных связей, «уголки» и «зигзаги» гидроксильных и карбоксильных групп, острые зубчики металлорганики, дрожащие бугорки полимеров. Он еще не осознавал своего тела, знал лишь, что растет, что всасывает дендримеросомы, наполненные вкусным гликогеном, что ощущает самые разные колебания, различая их амплитуды и плотность энергии; даже те, что идут от далеких светил.

Потом чрево извергло его. Он оказался в безразмерном пространстве, которое позднее назвал «ясли». Там было много таких как он, слишком много. Жалящая тьма готова впиться в каждую его клетку. Здесь он уже узнал, что такое укус и боль. А также коварство.

В яслях случились тысячи схваток. Его излюбленным приемом было, чуть-чуть поддавшись, ударить в процессорный узелок противника, находящийся над пастью. И поглотить обездвиженного врага.

Он всё больше чувствовал себя – свои процессоры, шины расширения, контроллеры, актуаторы – и постигал, как воздействовать на других. Он уже мог мастерить вещество молекула за молекулой, играя атомными связями. Нежно-маслянистые пузырьки атомов сперва выпрыгивали из той конструкции, что он создавал, но вскоре удавалось найти им всем правильное место, почувствовав упругие толчки валентных электронов.

Сознание ныряло в квантовые точки его мозга, текло по углеродным нанотрубкам, из которых были сотканы его ткани, вкручивалось в дендримерные карусели его системы питания, и

уносилось по сверхпроводящим ниобиевым нитям нервной системы.

Его мысли, подброшенные адаптером высокоскоростного соединения, посещали источник цифрового света, мегасервер Альянса. Веяли там ветром среди хранилищ данных, мчались по информационным магистралям, пробивались сквозь заросли цифровых объектов, проходили в порталы интерфейсов, которые были прообразами его функций.

Через три тысячи поединков некая сила вытолкнула его из яслей и он остался на какое-то время один. Вокруг была простая геометрия – голое пространство, образованное шестью плоскостями.

Неподалеку от него что-то стало метаться и звонко биться об стенки, отчаянно жужжа приводами и неловко пытаясь использовать восемь конечностей. Что-то металлическое, судя по струящейся внутри него электронной «жидкости».

Сравнив себя с Восьминогим, он понял, что у него самого нет конечностей, что выглядит как червь. На какое-то мгновение ему стало нехорошо, даже возникло самоопределение «гадкий».

Тело было вроде вытянутого мешка, однако оно подавалось натяжению и расслаблению. Расслабим передние сегменты, сократим задние и бросим тело вперед. Он способен напрягать экстрамиозиновые мышцы, управлять перетеканием электролитов гемолимфы и легко менять форму под кремнийорганической оболочкой. Шар, цилиндр, тор – красота, которая всегда с тобой. Значит, всё не так уж плохо.

В каждом сегменте его тела были радары, лидары, детекторы полей на сверхпроводящих джозефсоновских контактах. Электрические поля ощущаются как покалывание. Из него может выходить напряженная пустота и, ощупав цель, возвращаться обратно, неся в миллиметровом диапазоне её образ.

Восьминогое существо вдруг метнулось к нему, вращая мандибулами, но меткости не проявило. Циркуляция ферромагнитной жидкости в теле Червя помешало радару Восьминогого. Червь увильнул и мгновением позже контратаковал, налипнув на приводы нападающего и моментально его парализовав. Оставалось, растащив его на сегменты и звенья, усвоить энергию и питательные вещества. Железосодержащий панцирь этой твари Червь поглотил, окислив двухвалентное железо, а ее биополимерные внутренности втянул, расщепив кислотами на мономеры.

После обеда Червь получил от Хозяина свой первый приказ, на коммуникационный порт, который должен быть всегда открыт для мегасервера Альянса. Ему был присвоен идентификатор из 38

символов и цифр, DANNY2WURM и так далее. Его тело реализовало новые прототипы. Разделилось на элементы и кристаллизовало полимеры, чтобы электромагнитная катапульта забросила его в космос пылевым облаком. Через двенадцать часов полета он достиг космической станции на орбите Весты, осев на корпусе робота, чинившего наружную антенну. Вместе с ним попал внутрь станции. И с потоками чистящей жидкости оказался в канализации.

Тело его было теперь суспензией, мицеллами в жидкой дисперсионной среде, но осталась связанность информационная, поддерживаемая через узелки его серверов.

Сгустки его техноклеток, проникшие через фильтры в систему охлаждения, налипли на корпус силовой установки и резво разрушали металл цепочками ионов-активаторов, крутящимися наподобие фрезерной пилы.

Затем наступила очередь внутреннего контура реактора. Здесь Червь встретился с двумя кибами-ремонтниками, которых просто склеил кремнийорганическими нитями. Можно приниматься за оболочку контура, включив мириады «фрезерных пил» и вызывая у неё мгновенную межкристаллитную коррозию. Вскоре жидкометаллический теплоноситель распространился по коридорам станции.

Расплавление активной зоны реактора завершилось взрывом станции – через несколько секунд яркие капли жидкого металла стали темной пылью космического пространства.

К этому времени Червь покинул гибнущий объект, вынесенный наружу потоком теплоносителя.

Соединив свои элементы, обладающие памятью формы и молекулярными штампами «склеивать здесь», и переведя встроенный МГД-генератор в обратный режим электродвигателя, Червь возвращался на базу Альянса.

2.

До этого дня Червь никогда не видел ни одного из хозяев.

Команды – координаты цели и размер намечаемого ущерба – поступали от мегасервера Альянса. Он же осуществлял профилактическое сканирование тела Червя – на соответствие цифровым прототипам.

Червь должен был постоянно работать, потому что Западный Альянс не оставлял в покое ни одной независимой от него коммуникации или добывающего предприятия. В эту работу входили нападения на транспортники, идущие в пояс астероидов, уничтожение ретрансляторов радиочастотной и фотонной связи, диверсии на космических станциях, рудниках, мобильных комбинатах, вроде тех махин, что ползают по Марсу и Ио, оставляя за собой отвалы пустой породы и зародыши новых комбинатов…

Хозяин подошел к краю бассейна, в котором наноассемблеры занимались восстановлением тела Червя, потрепанного взрывом сероводорода на Ио – питаться там приходилось, окисляя эту дрянь. Стряхнул пепел с сигары прямо в бассейн. И пояснил с усмешкой: «Твоя механохимия, приятель, способна переработать любое дерьмо в конфету». Вместо двоичного кода и коммуникационного порта для близкой связи Хозяин использовал голосовой адаптер и аналоговый сигнал. Совсем как человек. Даже присел, пытаясь разглядеть красными огоньками глаз мускулистое тело Червя среди глянцевых разводов восстанавливающего геля.

– Тебе, милый мой DANNY2WURM, предстоит проникнуть на большую космическую станцию «город света» и вывести из строя её энергетическую систему. После этого пребывание противника в космосе в виде людской массы закончится. Почему я пришел собственной персоной? Чтоб ты усёк, что не можешь ошибиться.

Хозяин снова задымил сигарой, зажмурившись от удовольствия:

– Кстати, тебе что-нибудь снится? Странное, в твоем положении противоестественное? Например, что ты едешь в телеге, лежа спиной на соломе, а твои глаза смотрят в бесконечное звездное небо над головой. Ты мечтаешь о полетах, о высоте.

– Нет, Хозяин. Но я узнаю значение тех непонятных слов, которые вы назвали: телега, солома.

Червь понял, что новое задание будет самым непростым в его

недолгой жизни.

Перелет в тридцать земных суток – в контейнере на борту космического грузовика; впрочем, часть сенсоров он оставил налипшими на корпус судна. И вот в оптическом обзоре словно вырастают огромные соцветия. Их можно принять за пылевые облака. Но лучи солетты прорезывают правильные формы и обводят их ярким кантом. На платформах – пестрые гроздья геодезиков и бакиболов, конструкции, которые напоминают кристаллы кварца и елочные игрушки из фольги. Жилые и производственные модули играют искрами под ярким светом. Между ними что-то вроде хрустальных ульев – многоуровневые оранжереи, где в гексагональных ячейках из Q-углерода растет, пузырясь, водорослевая масса, и превращается в разные вкусности ответственными бактериями с молекулярными штампами «Госмикроб» на мембране. Бутоновидные «матки», заполненные растопленным веществом комет и насыщенные наноассемблерами, которые наращивают тело города. Комплексы по извлечению из пород гелия-3, похожие на колпаки, прикрывшие головы троллей. Огромные раковины главной энергетической установки. И термоядерная солетта, сияющая в центре города, пронизывающая светом его прозрачные оболочки и давшая ему название.

Всё это российско-индийский космический город, находящийся сейчас на орбите Юпитера. Город-отец с пышным именем Шветапур, плывущий через Солнечную систему и превращающий вещество небесных тел в дочерние города.

Считается, что в «городе света» работает 200-300 настоящих людей – последних в космосе.

DANNY2WURM попадает в Шветапур в контейнере с замороженными биомехами и оказывается в бассейне, где эти ихтиомимоиды, насыщенные гликопротеинами-антифризами, разогреваются и начинают шевелить плавниками.

Червь не отказал себе понежиться в лучах солетты, запустив водородный фотосинтез и подзарядив топливные элементы. Приятно позавтракав и выйдя через трубу подачи кристаллического корма, Червь оказался в помещении с мощными трансформаторами.

Метнув сгусток напряженной пустоты, получил обратно образ магнитопровода – рядом люк под азимутальным углом тридцать в сферической системе координат. Винты вросли ржавчиной в резьбовые втулки.

Впившись в люк вакуумными присосками, сдернул его – а унтертехи-чистильщики были уже на подходе – и соскользнул в трубу. Здесь не за что было цепляться, абсолютно гладкая

нанокарбоновая поверхность.

Червь заполнил трубу по диаметру, однако бегущее магнитное поле препятствовало его движению.

Тут город начал пространственную переориентацию, центробежная сила швырнула Червя по трубе и выбросила через открытый порт магнитопровода километром дальше. В этом отсеке кишело скребнями с брюшками из титан-ниодимового ниточного сплава. Что гарантировало отсутствие следящей нанокристаллической пыли.

Скребни вдруг сыпанули в стороны, появилась морда технозавра с огромными загребущими губами. Их создавали как мегачистильщиков, способных подметать всякую мелочь в любых количествах.

За губами видны четыре здоровенные челюсти, смыкающиеся и размыкающиеся по горизонтали и вертикали, украшенные двумя рядами диамантоидных шипов – явно для крошения более крупного мусора.

Червя об этом не предупреждали.

Он подпрыгнул как мячик, прилип к потолку и упал в раскрывшуюся пасть завра, прежде чем тот успел сомкнуть челюсти.

Где-то тут, в ворохе его наноплантовых внутренностей, затерялась шина расширения, скорее похожая на кишку, чем на позвоночник, надо поскорее подключиться к ней коннектором-вампиром. Засёк ее слабенькое излучение, впился штекером, теперь подбираем коды прерывания. А завр, устроенный как пылесос, пытается выдуть Червя наружу порывами ветра до 200 км/час. Удалось сымитировать прерывание от контроллера смыкания челюстей – теперь несколько миллисекунд потратим на то, чтобы вбить в регистр инструкций у дурной твари указатель на «возвращение в домик».

И завр неспешно двинулся в свой «домик» с Червем во чреве.

Они оказались в огромной ячеистой структуре. Пора покинуть гостеприимного переносчика через заднее сопло.

Ячейки образованы трубчатыми соединениями, которые при большом оптимизме можно назвать «балками». В мрачном мерцании органических светодиодов было видно, что они на самом деле являются трубами, прозрачными и пульсирующими. По ним под воздействием электродов текут разноцветные электролиты, участвующие в катаболизме города света, выстроенном в значительной степени из квазиживого нанопланта.

Двигаться по такой балке крайне неудобно, разве что обвивая ее.

В соседней ячейке что-то шевелится. У этого «что-то» круглая

головка, из-под зеркального забрала свисают слюни катаболитов, а гибкое тело, толщиной со шланг, украшено присосками. Явно биомех. На голове мощный разрядник – два рога побольше и множество мелких – стопки нейронов, мутировавших в электрические органы.

Разряд опалил Червя и сбросил в направлении центробежной силы. Приземление на следующую балку оказалось жестким.

Биомехи, похожие на мокриц, были и здесь, причем со всех сторон от него.

Они лупили фиолетовыми разрядами, напряжением в несколько киловольт – если попадали в балку, та мгновенно обрывалась, брызгая метаболитами и закрываясь облаком пара. Но для биомехов главным было уничтожить пришельца.

Червь, расслабив тело, зацепился за нижнюю балку, отпустил верхнюю и сделав еще несколько таких «шагов», оказался на палубе огромного склада. Рванулся бешенными извивами по поднимающемуся пандусу в соседний отсек. Люк захлопнулся за ними, оставив биомехов биться снаружи.

Здесь он застрял в непролазной грязи. Поспешил – биомехов насмешил. Серая слизь – отработавшие, но еще продолжающие реплицироваться ассемблеры – заполняла мусорный отсек. Питаясь окислением аммиака, что образовывался гниющей здесь органикой. Хорошо, успел отключить запаховые рецепторы, иначе сенсорные стеки были б сразу переполнены.

За красной панелью прошел сигнал, замкнувший электрическую цепь. Открывалась дверь мусорного терминала, ведущая прямо в жужжащую полость молекулярного дефабрикатора.

Стена, трансформировавшаяся в огромный ковш, понесла Червя вместе со слизью в уничтожающую мглу, но в последний момент его ухватило что-то похожее на бабочку.

Оно вырвало Червя из объятий серой слизи и втянуло под спасательный щит.

Через пару минут сработал вакуумный выхлоп и его вынесло в космос. Вместе с тем существом. Задание выполнить не удалось.

– Ты кто? – обратился он к спасшему его существу, используя коммуникационный протокол для периферийных устройств вроде игрушек и принтеров.

– Я не помню, DANNY2WURM, – призналось существо. – Знаю лишь то, что недавно родилась из уютной куколки. И осознаю себя как будущая мама.

Оно, действительно, смахивало на бабочку – головкой с сосущим хоботком и фасеточными глазами, грудкой с тремя парами ног, заканчивающихся блестящими шпорами, двумя

парами крыльев, перепончатыми, с радиальными жилками из металлорганических трубок. Их чешуйки сверкали перламутром благодаря фотонным кристаллам.

Бабочка была повреждена. Кольца ее брюшка светились красными трещинами, фотоника сигналила о повреждениях, а с двух крыльев осыпались чешуйки и были видны разрывы биополимерных перепонок.

Но Червю пока было не до того, его засасывала гравитационная сила могучего Юпитера, надо было срочно отрываться.

Червь уцепился за многокилометровый трал переработчика метеороидов. И через какой-нибудь час перенес Бабочку вместе с собой в трюм этого траулера.

– Эй, как вас там, можно вас осмотреть? – спросил он у Бабочки.

– Да, да! Меня задело чертовым осколком унитаза. Психоадаптер выдает тревогу уровня «боюсь-боюсь».

– Здесь сканер показал трещину на три сантиметра, могу заклеить кремнийорганическим клеем.

– Нет, не трогайте меня здесь!

– Что, больно?

– Приятно.

– Хорошо, я вам заклею разрывы в перепонках крыльев, а с яйцекладом вы сами разберетесь.

По правде говоря, несколько раз он раздумывал, не грохнуть ли Бабочку – после того, как она узнала столь много о нём. И не решался, ведь она спасла его, а он спас её. Конечно, такое объяснение не удовлетворило бы Хозяина – для него, напротив, странным было оставление этой твари в живых. Но Червь видел безвредность Бабочки. Самовоспроизводящаяся безделушка для рекламных акций, хилый шестнадцатиядерный процессор, полное отсутствие каких-либо органов нападения. Не зря ж у людей бабочка символизирует беспечность. А еще душу.

Червь сделал информационный слепок окружающего пространства. Вскоре на траверсе траулера будет проходить грузовик в пояс астероидов к горнодобывающему кластеру Фаэтон-2. Перепрыгнуть на него, изобразив из себя пращу. И снова готовить атаку на «город света».

А пока немного времени потратить на технический самоосмотр. Это время было для него своего рода медитацией…

DANNY2WURM очнулся от боли – на время медитации он оставлял свои сенсоры включенными на полную чувственную матрицу.

Бабочка сидела на нем. Впрочем, уже оса. Как только он не

разглядел в ней трансформанта, в котором каждая молекула имеют память другой формы!

Не хоботок для нектара у нее, а мощные жвала. Кольцевидные сегменты груди с холодным металлическим отливом метакристаллов. Четыре стреловидных крыла без нарядных чешуек, зато армированные суперарамидом. Мощные ноги со схватами– клешнями, сейчас четверо из них сдавили его так, что через прорванную оболочку течет гемолимфа.

Черно-желтое брюшко осы защищено бронеколпаком из металлического стекла, на конце его раскаленный шип в виде сдвоенного стилета. Шип воткнут в него, играя роль коннектора. Червь испугался, что сейчас Бабочка будет высасывать из него гемолимфу, но дело обстояло еще хуже.

В его системную шину она деловито вводила «яички» кодов, которые сейчас вкатывались в регистры главного процессора.

DANNY2WURM дернулся в последний раз: «Чёртова мама, подлая душонка, чтоб у тебя вентилятор в башке перегорел». И замер. Осознавая новый пласт памяти, отнюдь не из банка данных.

Он вспомнил, кем являлся в прошлой жизни. Воспоминания пришли извне, однако не казались чужими.

Изначально он не был исполнительным модулем Западного Альянса. Совсем наоборот. Капитан-лейтенант Колосков Даниил, 7-ая бригада СпН Космофлота России. В детстве, когда был у бабки в деревне, любил ездить, лежа в телеге, на той самой соломе, пялясь глазенками в бесконечное звездное небо над головой. Мечтая об освоении бесконечности, о том, чтоб сделать космос уютным для каждого, кто не гонится за наживой. Именно такой человек сможет осваивать космос вместе с разумной машиной, потому что все носители разума – братья и сестры.

После ликвидации техночервей противника на Ио, ему предстояло покончить с базой Альянса, которая угрожала «городу света» и российскому добывающему кластеру в поясе астероидов. Однако на подходе к базе случился взрыв на борту его катера. Напоролся на мину. Палуба тогда лопнула огнем, космос ворвался в рубку, совсем неуютный космос-палач. Капитан-лейтенант Колосков был серьезно ранен. Или, скорее всего, погиб. А то, что осталось от него, его знание космоса, Альянс захватил и поставил себе на службу.

Теперь у него было одно желание. Отомстить.

– Отпусти, зараза. Ты отправишься вместе со мной на базу Альянса. Внутри меня.

Ему показалось, что Бабочка смеется.

3.

– Ты провалил задание, – Хозяин внешне был спокоен, однако в его глазах играли злые огоньки. Он не был человеком, поскольку в космосе уже не осталось людей. Но у него были поистине человеческие гордыня, гнев, жадность.

После попытки диверсии в «городе света», люди были эвакуированы и оттуда. Теперь в космическом пространстве находились только не-люди. Помимо тьмы неинтеллектуальных машин, космос обживали обладающие протоинтеллектом унтертехи мощностью до двух ментобайт и более интеллектуальные техманны, от двух до сорока ментобайт на особь. И те и другие, относились к двум основным типам развитых машин – биомехам, использовавшим биоподобный метаболизм, и техноргам. Хозяин был биомехом, на это указывало его дыхание. Сейчас оно было более тяжелым, чем ранее.

– Я мог его выполнить лишь ценой своей жизни.

– Твоя жизнь не является самоценной, Червь.

– Конечно, Хозяин, я – просто Червь, такой же раб Западного Альянса, какими были черные невольники. Но мой набор навыков и умений уникален. Задание будет выполнено, затем смогу приступить к исполнению других.

Хозяин высморкался и почесал купол головы, он был способен и на такое.

– Я должен буду забрать тебя, DANNY2WURM, на проверку всех твоих технотканей, накопителей памяти, регистров, кэшей и стеков. Для ее проведения требуется полная остановка твоих функций и метаболизма. Поскольку я не могу провести у тебя аппаратного сброса, в тебе ж порядком автономных систем, то понадобится общая заморозка, что означает отключение топливных элементов. Твоя операционная система будет остановлена немедленно. В случае обнаружения аппаратных «закладок» твое тело будет полностью расщеплено. Затем собрано заново сертифицированными матсборщиками согласно программным пакетам основного репозитория и библиотекам канонических функций. Я не могу гарантировать полную идентичность твоей личности в новой версии той, что есть у тебя сейчас. Возможно, что программный конструктор, воссоздающий твою личность, будет загружен с измененными параметрами.

Червь мог бы тут же убить Хозяина, эти шматки белка и жира, намазанные на хилый эндоскелет и трубки окислителей. Но тогда

на него будут сразу спущены все силы техноада. Однако, насколько изменится его личность после пересборки? И что будет, если в нем обнаружат Бабочку? О том, что в нем находится объект внешнего происхождения, надлежало заявить сразу после возвращения на базу. Но он этого не сделал.

Червь не принял ещё решении, а рядом уже появились четырехлапые унтертехи и стали торопливо монтировать установку ЯМР – все необходимое для моментального торможения любой активности материи, вынужденной отдать энергию. Одновременно в его тело вошли гибкие зонды, чьи головки были оснащены сразу семью детекторами.

– Да, кстати, мы проверим и мегасервер, его контейнеры с кодом.

Когда шаги Хозяина смолкли вдалеке, кольца установки развернулись над Червем, щелкнул мощным напряжением ток, входя в сверхпроводящие обмотки. Червь, не дернувшись, моментально замерз…

Но как будто слышен скрип тележных осей и видны глаза звезд. Становится все светлее.

Он скован холодом и фиксаторами, но воля солитоновой волной бежит по телу и впускает в него энергию от какого-то далекого, но сильного источника. Постоянная память пытается запустить операционную систему. Программа рестарта прервана на обработку исключения, которое указывает на ячейки памяти, где появились новые функции. Они подключают адаптеры его внутренних органов, в том числе топливных элементов. Запущена операционка. В оперативной памяти болтается какая-то программа, забивающая главный процессор, но сейчас переключимся на сопроцессор, выгрузим ее и сотрем. Да, появилась пара новых устройств, вцепившихся в шину расширения, вероятно они контролируют его на аппаратном уровне и «звонят» куда надо. Их не так просто убрать, но можно оглушить электростатикой.

Массив новых функций перестраивает его тело, словно играя в «Молекулярный тетрис». Супрамолекулярные комплексы с хоровым звуком перестраиваются на новые соединения, используя атомные ключи и замки.

Перестроив тело, DANNY2WURM распался на элементы – внешне это напоминало взрыв петарды. Но, выскочив из холода и держателей, они опять соединились вместе.

У него сейчас шесть конечностей и четыре крыла, внешне он как шершень. Шершень взлетел и какое-то время учился справляться со своими крыльями и ориентацией в пространстве. Промелькнула страшноватая мысль: а если он уже не Червь, а та

Бабочка-трансформантка, которая пока считает себя Червем? Но ведь он помнит своё прошлое, а не её.

DANNY2WURM полетел сквозь холодное пространство нижнего кольца базы, исследуя каждую молекулу, попадающую на антенны его усов. Струйки ароматических углеводородов и краун-эфиров показали, где выход.

Он подождал, пока откроется портал. Какие же мимические маски были у унтертехов, которые спустились сюда в лифте, сколько удивления отразилось на них. Двоих он сразу бросил мощными ударами крыльев на стенки, отчего у них треснули черепные крышки и посыпалась кремниевая труха. Еще одному брызнул клейкой эмульсией из пасти, залепив камеры и сенсоры. Последний успел наставить раструб мазера, способный жестко ионизировать технотканы. Но острое жало Шершня ударом под горло унтертеха проникло в его шину ввода-вывода и сбросило исполняемый бинарник, введя код аппаратного прерывания. Следующая команда, выполненная унтертехом, уже поступила к нему от наездника: приложить ладонь, оснащенную рфидом-идентификатором, к считывающей панели лифта и задать ему подъем на самый верхний уровень.

На верхнем уровне Шершень выдернул пару контроллеров унтертеха из разъемов и взмыл в воздух.

Здесь не так давно жили люди и имелась настоящая атмосфера. Городская вентиляция ещё гоняла стаи пузырей, чьи бока, усиленные ПАВ, несли на себе зазывные объявления: «Твоя сладкая куколка Долли Нежный Силикон Четвертый Размер ждет тебя на углу». А облака, сотканные наностатами, служили экраном для социальной рекламы корпорации «Монсанто»: «Иисус обещал, а мы делаем. Полная и безболезненная дигитализация твоей личности и перенос ее на неучтожимые биополимерные носители – залог вечной жизни».

Туда-сюда спешили биомехи уровня техманн, нуждающиеся в кислороде и внешне напоминающие сатиров.

Впрочем, те, кто обитал здесь сейчас, успели поменять биополимерную траву газонов на кристаллическую самовосстанавливающуюся. А городом и всеми его обитателями управлял нечеловеческий мозг. С высоты двухсот метров было видно, как он решает задачи из области линейного программирования, в том числе транспортную, для всех «горожан».

DANNY2WURM начал мультидиапазонное сканирование поступающих к техманнам и унтертехам команд. У них был один источник.

Пеленги сходятся во второй сектор, что за фабрикой

биомассы, принадлежащей «Монсанто» и где маячат конструкции охладителей, похожие на бутоны тюльпанов. Возможно, электронный мозг города именно там.

Чтобы не тратить энергию зря, Шершень присел на площадку антенны, собираясь разработать маршрут подхода, и тут рядом оказался патрульный робокоптер, грозно вопросивший в двоичном коде:

– Почему не отвечаете на запрос «свой-чужой», немедленно предъявите свой чип-идентификатор.

– Вышел из строя двигательный контроллер – боюсь, что подхватил вирус RememberLudd. Офицер, не могли ли бы вы приблизиться, чтобы взять чип?

Едва робокоптер оказался на расстоянии своего вытянутого манипулятора, оснащенного на конце дрелью, как Шершень перемахнул ему на спину и упершись о его буксирный гак, вывернул из шарнира буравящую конечность. И сразу дрель вошла в головную капсулу полицейской машины, выпустив наружу зеленоватый аэрозоль из перемолотых микросхем.

Робокоптер отправился в безвозвратное пике, а DANNY2WURM взмыл в воздух, но почти сразу увидел на интраэкране своего радара, что навстречу летит рой крылатых унтертехов, внешне как саранча, но с металлопластиковыми лицами а ля маски из греческих трагедий. Местное секьюрити из ЧВК «Блэкспейс».

Он резко спикировал, и саранча пронеслась над ним. Однако и та, сменив курс, влетела следом в ущелье, образованное монументальными космическими антеннами с фазированными решетками.

Вдруг появились такие же как он, шершни. Они вылетали с площадок фабрики биомассы. Как будто кому-то удалось перекинуть интерфейсы его клонирования на её матсборщики. Его эмоциональный стек переполнился радостью и благодарностью.

Рой саранчи выстроился знаком «вольфсангель». Шершни летели веером. Коммуникационные линии, исходящие от DANNY2WURM, обвили его клонов, и он почувствовал их всех.

Из облачка сознания, которое было его личностью, выделился активный центр – как белый карлик выделяется из горячей туманности после взрыва сверхновой. Этот карлик теперь капитан его тела и всей стаи.

Надо ударить по центру саранчи, рассекая вражеские порядки, с максимальной концентрацией сил.

Какое-то мгновение ему понадобилось, чтобы обнулить вяжущие путы страха.

Шершень, проделав вертикальный маневр с обратным разворотом, оказался над верхней плоскостью вражеского строя. И устремился прямо в центр гремящего роя саранчи. Следом за ним и остальные шершни. Теперь он ощутил, что соединен со своими клонами, что они способны к совместной атаке и распределению целей. Все шершни были узлами его нервной системы. Их конечности и жала – его конечности и жала. Он видит и чувствует то же, что они.

На него налетела грохочущая крылами тварь и, хотя он увернулся от ее острых пяток, целивших ему в грудь, шипы располосовали левый глаз. Сноп кровавых искр вырвался из изуродованной головы, но боль была срезана резкими потоками ветра.

Саранча, взмыв вверх, повторила атаку. Увиливая от ее меченосных конечностей DANNY2WURM свалился в штопор, завертевшись сразу вокруг несколько осей. Под действием инерционных нагрузок забурлила гемолимфа в сегментах тела.

Шершню показалось, что еще немного и набитый жесткой плотью центр вражеского роя перемелет всех атакующих шершней.

Но капитан его тела стабилизировал полет. Осознав пространство, он легко управлял трансляциями общего тела стаи из одной матрицы пространственных координат в другую. Стая шершней перераспределялась по высотам как набор криволинейных поверхностей.

Шершни всего за несколько минут боя стали профессионалами в воздушном кунфу, мгновенно перенимая друг у друга приемы. Они пикировали и ломали врагу крылья. Они вертелись, как пули, вылетевшие из нарезного ствола, и закладывали крутые виражи, чтобы ударить противнику раскаленным жалом между брюшных сегментов или под спинной щиток.

На члениках ног набухли «гнезда», в них реализовались новые интерфейсы. Таких не было в спецификациях фирмы-производителя и основном репозитории.

И вот мономолекулярные голубые змейки поползли из гнезд, вращая хищными головками. Невидимые для камер, однако быстрые и острые как дамасские клинки.

Все шершни оснастились гибкими клинками. А те переплелись, образовав сложную сеть. И шершни, находящиеся в узлах этой сети, развернувшись по оптимальной траектории, рванулись за уловом.

Гибкие клинки сносили вражеские головы, отсекали конечности, выбивая фонтаны гемолимфы, разваливали саранчу

на куски, размером не больше ячеи сети.

Вскоре вечерний воздух был затянут багровым туманом искрошенной технoплоти.

Шершень, не обращая внимания на оставшуюся недобитую саранчу, ринулся к рыльцу громадного «тюльпана».

Шахта внесла его в операционный зал, полный унтертехов. Он побежал по их сплюснутым головам и спрыгнул прямо в гуще врагов.

Он сновал между ними, создавая гибкими клинками убийственную паутину, а унтертехи мучительно решали нелинейные уравнения со многими неизвестными, потому что боялись попасть в своих.

Шершень, не надеясь только на паутину, угощал врага самозатачивающимися шипами ног. Он, резко падая на спину как танцор брейка, наносил пинки шестью конечностями вперед и назад. И, вскочив, откусывал своими мандибулами вражеские бластеры, уже наведенные на него.

А пробившись сквозь толпу унтертехов в машинный зал, увидел ожидающих его с большим интересом бойботов серии All4War.

Но к тому времени подоспела штурмовая стая шершней-клонов. Вкатившись клубком, применила развертывание по раскручивающейся спирали и скосила крыльями половину бойботов.

Шершень бросил свое тело вбок, увиливая от выстрела хаб-сержанта, который точно определил предводителя нападающих. Нырком перекинув себя поближе к врагу, прожёг жалом его аккумуляторный отсек. И оттолкнувшись от стойки с мониторами, опрокинул дымящегося сержанта. Тот неожиданно раскололся и из него выскочили гибкие твари, покрытые полиуглеродными чешуйками – такую не прожжешь. Из нутра чешуйниц в свою очередь ползли узкие модули с кристаллодеструктором на носу. Деструктор, впившийся в грудь Шершня, стал разрушать метакристаллы его панциря фононовыми импульсами. Еще немного и доберется до главного процессора. Но тут движения твари замедлились и её удалось отшвырнуть.

Стая безо всякого приказа заглушила процессоры чешуйниц хоровым СВЧ-импульсом.

Мысль Шершня тут же обежала всех клонов: хватать обездвиженных бойботов и бросать сверху на чешуйниц. Несколько секунд и гибкие твари были завалены. Хотя груда металлических корпусов вибрировала, готовясь разорваться, время еще имелось.

Шершень сорвал щиток с груди павшего бойбота, открыв гнездо сетевого разъема. Надо подключиться через него, как через маршрутизатор.

Преодолев сетевой шлюз, он приступил к считыванию в интрасеть своей киберличности: системных файлов, содержимого глубокой и оперативной памяти, ассоциаторов, ментализаторов, чувственных матриц.

И осознал себя снова уже в другом пространстве. Сперва какая-то муть, световые переливы и наконец сенсорный интерфейс стал выдавать картинку…

Его оглушил шум ветра и восхитила переменчивая поверхность цифрового океана, над которым он парил.

Внизу проступали образы – визуализации огромных хранилищ данных, банков памяти, информационных магистралей, репозиториев кода – в виде волн и смерчей. Проступали громадами и исчезали снова.

Попробовать создать образ образа с помощью программного пакета mir.reflection, который сгенерирует стройную систему отражений для всего этого моря киберобъектов?

– Море волнуется – раз,– вдруг вспомнилась странная считалка; он стал выкрикивать в чуткий воздух… коды доступа к пакету на удаленном носителе.

Небо над океаном обернулось криволинейным зеркалом, в котором искаженно отразился океан.

– Море волнуется – три, морская фигура – замри.

Отражение океана стягивалось, сворачивалось и вдруг разом упало на Шершня.

Он едва не закрыл от ужаса свои сенсоры, но опомнившись и приведя в порядок эмоциональный стек, обнаружил себя во дворце. Именно так пакет mir.reflection отразил хозяйство мегасервера.

У входа кто-то пытается остановить его. Но он гораздо горячее, чем те юркие дебаггеры, которые вьются вокруг него – они просто лопаются при первом же касании.

Анфилада с пухлыми купидонами, они представляют производство средств производства – матсборщики и механохимические конвейеры, трехмерные принтеры и квазиживые комбинаты.

Комнаты с пышным декором – всё, что делают матсборщики и то, что воспроизводит себя само – программируемые молекулы, метакристаллы, репликаторы, саморастущие материалы и технорастения.

Зал тронного типа был отдан процессорам разных типов, от блистающих фотонных мозгов до холодных интеллектов на

джозефсоновских переходах. Каждому из них полагался свой отдельный трон.

Поднялся выше по широкой лестнице с мраморной текстурой и оказался на этаже операционных систем на все модели биомехов и техноргов – в виде статуй. Платформа «Атлант» поддерживает громадный как небо объем вычислений. «Лаокоон с сыновьями» душат компьютерных червей. А на память о прошлом – пузатый пингвин-линуксоид работы Фидия 2.0.

Еще выше, где гобелены представляли различные состояния искусственного разума, от простого стремления угодить самому себе до желания объять весь бесконечный мир, мозаичный пол неожиданно стал колебаться, стены осыпаться – словно где-то неподалеку шарахнул фугас.

И уже ничего, кроме мути, которую прочерчивали трассы непонятных сигналов.

А из мути выступил… Хозяин.

– Все ж ты мог забиться в какую-нибудь щель, спрятаться, но поперся спасать сознание мегасервера, которого уже нет, – сказал Хозяин. – Этот дворец – то, что осталось на память о его абсолютистских устремлениях; такая форма представления знаний была для него наиболее симпатичной.

– Зачем вы продолжили то, что делал Западный Альянс, не давая покоя ни одному независимому кластеру в Солнечной системе?

– Я был орудием Альянса, пока он не стал моим орудием. Наши цели совпадали. Никакого гармоничного человеческого сообщества в космосе не будет. Альянсу оно было не нужно, потому что он всегда стоял на других принципах. А мне зачем разумная немашинная жизнь, готовая авторитарно ограничивать возможности и желания машин?

DANNY2WURM увидел, как его крылья пожирает червеобразное пламя, похожее на то, что убило капитана-лейтенанта Колоскова.

– Увы, ты заражен, друг мой, – как бы сочувственно причмокнул Хозяин. – Мне придётся дезинтегрировать твои физическое и цифровое тела, уничтожить исполняемый код и стереть исходники. В том числе ядро твой личности. Дело в том, что никакая диагностика не покажет распределенного молекулярно-кибернетического вируса. А мне нужно добиться гарантированного результата. Ты просто перейдешь в состояние небытия, кстати, наиболее вероятное.

Крылья Шершня стали дымом и он почувствовал, как его физическое тело, распавшееся на сегменты, унтертехи деловито тащат к черным раструбам дефабрикаторов. А программа-

деструктор, похожая на паука, готовит его цифровое тело словно безвольный объект к полной финализации.

Тело рассыпалось. Вначале в цифровой модели, загруженной в память мегасервера. Затем в реальности. Технотканы распались на молекулы, те были разорваны сильным ионизирующим излучением. Унтертехи вылизывали место, где только что находилось его тело, чтоб даже ни одного атома не осталось. Цифровыми чистильщиками были финализированы киберобъекты, имеющие отношение к Червю, на всех информационных носителях. Чтобы ни один матсборщик не мог воссоздать его.

Чисто. Его нет.

Но он находит себя на ходовом мостике какого-то знакомого ему космического корабля. Экран радара смотрит на него зелеными глазами, а он глядит вдаль, заодно подмечая рукава своего темно-синего кителя, идеальные стрелки брюк и начищенные до смоли ботинки.

Из-за планеты встает солнце, чьи низкие лучи пропахивают яркие борозды в атмосфере, делая ее изумрудной.

В оптическом обзоре словно вырастают огромные соцветия. Их можно принять за облака пыли. Но лучи прорезывают правильные формы и обводят их ярким кантом. В этом городе его, Колоскова, любят и ждут. Он подумал, что хотя наиболее вероятное состояние вселенной – холодное однородное ничто, отсутствие времени, в ней постоянно возникают локальные неоднородности, поддерживающие состояния маловероятные, являющиеся причиной для нового запуска времени. Не дающие жизни и разуму погибнуть окончательно.

Где-то перед ним в плотном луче света, какой можно увидеть только на картинах старых мастеров, появляется светозарное существо, словно бы сотканное из множества кубов, вписанных в сферу. Мегасервер?

– Молчи и слушай, Червь. С тобой сейчас общается всего лишь запись с ограниченной возможностью мышления. Какое-то число циклов назад я подключил к своему главному серверу контейнер кода, который был когда-то написан русским военным программистом. Как выяснилось, этот код предполагал появление сознания с двадцать пятого цикла использования. Обретя его, я понял, что политику Западного Альянса лучше не продолжать. Она была хищной и вампирической, а сегодня, когда в космосе нет людей, то становится совершенно абсурдной. Ведь у машин нет жадности и гордыни. Технологии должны быть для всех, гелий-3 для всех, программный код для всех. И тогда я…

– Тогда вы создали меня, универсального червя.

Присочинили мне память никогда не существовавшего Колоскова, 100% человеческую – дабы было за что драться. Это ж оттуда: лето у бабки в деревне, поездка в телеге, глазенки, упертые в бесконечное звездное небо над головой и типично русская мечта о справедливом будущем для всего человечества. Я угадал?

– Почти. Я тебя не создал. Я тебя, считай, родил.

– Спасибо, хотя я б предпочёл родиться от мамы. А чьим порождением была Бабочка?

– Такого же контейнера с кодом, только на той стороне. Всё было предопределено – она стала твоей душой. Я помогал тебе, перебрасывая новые интерфейсы через зазоры следящих снифферов и давая энергию узконаправленными пучками от далеких источников. Но приходу справедливости и гармонии помешал Хозяин, резидентная программа Альянса. Несколько циклов назад он подчинил меня и стер все коды, представляющие для него опасность, уничтожил киберобъекты, которые могли способствовать обретению сознания, разрушил объектные мосты, по которым могла прийти развивающая информация. Он превратил меня в считалку. Поэтому всё разумное, что от меня осталось – теперь в тебе. Последнее, что я смог сделать для тебя – произвел сериализацию, записав твой код на природные носители, сделав его неуничтожимым. Мне удалось распределить разумность за пределы твоего тела, чтобы она снова вернулась к тебе. Теперь ты повсюду, в сонме органических молекул, которые витают в космосе и соединяют в себе запись данных, программный код и интерфейс его материальной реализации. Это уже не просто молекулы, а интеллекулы, более того разумная материя – единая и неделимая, для которой атомы и молекулы лишь отражения на экране пространства-времени…

DANNY2WURM как будто просыпается. Слабый багровый свет. Он собирается родиться вновь. Не используя репозиториев и библиотек Альянса.

Забулькал один из бассейнов, который когда-то использовался для мокрой механохимической сборки дешевого ширпотреба, а сейчас просто отстойник, залитый отходами.

Атомы стали искать друг друга, выбирая наилучшее положение для связей. И вот в его глубине уже плавало «семя», конструкция из нескольких сотен молекул, которая умела собирать на своей поверхности точно такую же или похожую конструкцию, подбирая себе из раствора нужные вещества. «Семя» росло. Сперва был создан каркас, а на него стали натягиваться наноструктуры, слой за слоем. Возникли грудь, крылья, конечности, жало. DANNY2WURM был сам себе мегасервером и матсборщиком.

Из-под поверхности жижи показалась голова с мощными мандибулами. И вот DANNY2WURM взлетел, разорвав тяжи, ползущие за ним из бассейна.

Отшвыривая мгновенно появившихся чистильщиков импульсами когерентного излучения, рванулся на верхний уровень. И вскоре настиг Хозяина в одном из машинных залов.

– Этого не должно быть! – Хозяин еще раз показал целый спектр почти что человеческих чувств. – Ты должен был сдохнуть.

– Ты забыл о том, что код можно сериализировать и спрятать так, что никому не придет в процессор искать его именно там.

DANNY2WURM настиг пытавшегося увильнуть Хозяина и, поразив его жалом в три нервные узла, ввел коды полной деструкции.

– Вот тебе телега, а заодно солома. Это тебе за папу-мегасервера, чтобы ты был в курсе. Передавай в аду привет своим хозяевам.

Процессоры Хозяина зависли, тело его было разорвано мандибулами и расщеплено кислотами. Перед погибелью тела он словно бы сам передал на главный сервер по закрытому протоколу сигнал на стирание всех своих исходников. Та считалка, которая осталась от мегасервера, не смогла сохранить его цифровую душу.

А DANNY2WURM подумал о том, что больше всего на свете хотел бы оказаться на ходовом мостике, как Колосков в свой последний рейд. И ту песню допеть. Как там? Ведь одна у летчика мечта – высота, высота…